

Александр Силкин
кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
alexander.silkin.as@gmail.com

А.Л. ШЕМЯКИН О РУССКОМ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ 1876 г.

Аннотация: В статье рассматривается вклад Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018) в изучение роли русских добровольцев в Сербо-турецкой войне 1876 г. В частности, доказательство им известной гипотезы, что Льву Толстому прототипом для графа Алексея Вронского послужил Николай Раевский 3-й. Освещена полемика с приверженцами антинаучных мифов и заблуждений, получивших распространение в связи с биографией Раевского и другого известного деятеля добровольческого движения – генерала М. Черняева.

Ключевые слова: Андрей Шемякин, Сербо-турецкая война 1876 г., русские добровольцы, Лев Толстой, граф Алексей Вронский, «Анна Каренина», Николай Раевский, Михаил Черняев, исторические мифы

Не новость, что массовое восприятие творчества выдающихся художников и ученых носит избирательный характер. Наиболее известным среди широкой аудитории становится одно произведение или работа, которую автор мог и не считать главным своим достижением, и которой, во всяком случае, не исчерпывается его наследие. Например, немногие, за исключением относительно немногочисленных физиков, «вспомнят», в чем, кроме теории относительности, состоит вклад в науку Альберта Эйнштейна. Имя Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, благодаря фильму «С широко закрытыми глазами» Стенли Кубрика, сегодня для миллионов людей по всему миру ассоциируется с так называемым Вальсом №2, который композитор на-

писал по заказу в 1938 г. за несколько дней вместе с несколькими ругими пьесами.

Андрею Леонидовичу Шемякину (1960–2018) для его книги «Смерть графа Вронского»¹, опубликованной в 2002 г., потребовалось «немного» больше времени. Тем не менее аналогия с Шостаковичем и его вальсом, как нам кажется, присутствует. Российские слависты и их сербские коллеги Шемякина знают, прежде всего, как исследователя сербского радикализма (идеологии и движения); государственно-политического и социокультурного развития Сербии и Балкан в последней четверти XIX – начале XX в.; официально-дипломатического и общественного аспектов русско-сербских отношений того же времени; роли Сербии в Первой мировой войне; взаимоотношений сербов с остальными югославянскими народами и процесса образования Югославии.

Однако широкому кругу читателей в России, Сербии и за их пределами Андрей Леонидович известен как автор «научно-популярного очерка», в котором *доказывается* давно и неизвестно кем впервые озвученная гипотеза. А именно, что Льву Толстому прототипом для образа графа Алексея Вронского в романе «Анна Каренина» послужил полковник Николай Николаевич Раевский 3-й (внук бородинского героя), погибший в Сербии в бою с турками 20 августа 1876 г. возле села Горни Адровац.

«Смерть графа Вронского», публикация которой была приурочена к 125-летию первой Сербо-турецкой войны и участию в ней русских добровольцев, стала следующей монографией после докторской диссертации – «Идеология Николы Пашича»², опубликованной в 1998 г. Что побудило автора сменить тему? Очевидно, потребность «отдохнуть» от своего главного героя и желание попробовать себя в новом качестве. Задача, которую он поставил перед собой, не позволяла ограничиться одной лишь исторической реконструкцией «биографии Н.Н. Раевского на общем фоне перипетий той эпохи». Требовалось предпринять «экскурс в неведомую ранее область литературоведения»³.

1 А.Л. Шемякин, *Смерть графа Вронского. К 125-летию Сербо-турецкой войны 1876 г. и участия в ней русских добровольцев*, Москва, 2002, 144 с.

2 Он же, *Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891)*, Москва, 1998, 448 с.

3 Он же, *Смерть графа Вронского*. 2-е изд., исправ. и доп., Санкт-Петербург, 2007, с. 9.

Помимо научной необходимости этот шаг объяснялся и «спортивным» интересом. В Институте славяноведения РАН Шемякину не раз приходилось наблюдать, как коллеги из числа филологов, культурологов и литературоведов смело берутся за историческую проблематику. Увы, не всегда это сопровождалось соблюдением методологии, принятой у служителей Клио. Об отношении Андрея Леонидовича к этим нарушениям «Сухаревской конвенции» можно судить по критике апологии генерала М.Г. Черняева, предпринятой коллегой из ближнего зарубежья и подкрепленной одними ссылками на Ф.М. Достоевского: «Здесь перед нами пример того, как “чистый” литературовед пытается овладеть ремеслом историка, что мы только приветствуем: наука не может развиваться без междисциплинарного подхода. Однако при обращении к новому “жанру” следует “хоть немножко уважать” его базовые правила»⁴. Таким образом, имелось желание показать, каким должно быть историко-литературоведческое исследование. Подчеркнем, его научную корректность ни при жизни автора, ни после его смерти никто не поставил под сомнение. А ведь и в России, и в Сербии⁵ книга выдержала по два издания...

Кроме того, вокруг легенды о «Раевском-Вронском» скопилось множество ошибочных представлений и мифов. Их разоблачение всегда служило одним из главных мотивов, побуждавших Шемякина взяться за перо и не только в связи с интересующим нас сюжетом. Ненадолго отвлекаясь от него, напомним, что и тема главной книги автора, посвященной Н. Пашичу, – вызов расхожему, сформировавшемуся еще в межвоенное время представлению, будто тот был исключительно политиком-практиком. Лишенный идейного багажа, он, якобы, поэтому не оставил после себя сколь-нибудь значимых «письменных следов». «Что ж, за подобными утверждениями легче скрыть недостаток архивных изысканий», – уже на 11-й странице монографии А.Л. Шемякин бросает перчатку к ногам своих оппонентов, которым он противопоставил источниковую и фактологическую фундированность собственных аргументов.

Не уклонялся Андрей Леонидович от полемики, и когда та или иная «контроверза» затрагивала условно второстепенные темы,

4 Он же, „Генерал от коммерции. М.Г. Черняев в Сербии в 1879–1881 гг.“, *Токони историје*, 2012, 3, с. 362. (<https://tokovi.istorije.rs/lat/uploaded/3%202012/CLANAK%20-%20SEMJAKIN%20ANDREJ.pdf>)

5 А. Шемякин, *Смрт грофа Вронског*, Београд, 2002; Он же, *Смрт грофа Вронског*, 2. измењено и допуњено издање, Београд, 2006.

его интересовавшие. Например, ему регулярно приходилось «ставить на место» некоторых современных сербских авторов, бесосновательно возлагавших на Россию ответственность за те или иные трагические эпизоды сербской истории XIX – начала XX в. В написанных А.Л. Шемякиным главах «Истории Югославии в XX в.» значительное место уделено разоблачению голословного утверждения о причастности России и ее представителей к организации Майского переворота 1903 г., положившего конец правлению Обреновичей в Сербии⁶. В 2018 г. в Белграде вышла одна из посмертных статей, в которой опровергнуты домыслы о финансировании Петербургом в 1880-е годы заговора радикалов, ставивших целью свержение злощастной династии⁷. В нескольких работах продемонстрирована несостоятельность попыток возложить на Сербию ответственность за развязывание Первой мировой войны⁸.

Возвращаясь к Раевскому, мы не станем воспроизводить все «фактические и концептуальные огрехи», допущенные его российскими и сербскими биографами. Шемякин подробно написал о них в предисловии ко второму изданию книги, в рецензии на книгу Будимира Поточана, напечатанной в журнале «Годишњак за друштвену историју»⁹, а также в статье «Ново о пуковнику Рајевском», опубликованном в сборнике «Делиград од устанка ка независности»¹⁰. Упомянем лишь некоторые анекдотические заблуждения, распространявшиеся вышеупомянутым сербским автором, дабы показать, с каким уровнем оппонирования приходилось сталкиваться Шемякину. Чего стоит хотя бы описание хрестоматийного подвига Н.Н. Раевского 1-го (поведшего своих несовершеннолетних сыновей в ата-

6 *Югославия в XX веке: очерки политической истории*, Москва, 2011, с. 19-22; А. Шемякин, „Как убивали в Белграде георгиевского кавалера“, *Токони историје*, 2007, 3, с. 7-16. (https://tokovi.istorije.rs/cir/uploaded/3%202007/2007_3_01_Semjakin.pdf)

7 А. Л. Шемјакин, „Никола Пашић и режим Милана Обреновића (1883–1889)“, *Русија/СССР и државност Србије/Југославије*, Београд, 2018, с. 147–162. (https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2018_rusija-sssr_i_drzavnost_srbije-jugoslavije.pdf)

8 А.Л. Шемякин, «Василий Николаевич Штрандтман и его „Балканские воспоминания“», *Штрандтман В.Н. Балканские воспоминания*, Москва, 2014.

9 А. Шемјакин, „Између мита и чињеница (о књижи Будимира Поточана 'Вронски. Част и Љубав')“, *Годишњак за друштвену историју*, 2001, 8, 3 (<http://udi.rs/wp-content/uploads/2020/12/07.-%C5%A0emjakin.pdf>)

10 Он же, „Ново о пуковнику Рајевском (између два издања *Смрти грофа Вронског*)“, *Делиград од устанка ка независности*, Београд, 2007, с. 263–272.

ку на французов), который состоялся «в Бородинской битве под Смоленском, у деревни Салтановка»¹¹. Или воспроизведение версии судьбы матери Н.Н. Раевского 3-го «графини» Анны Михайловны Раевской, которая якобы «после войны прибыла в послевоенную Болгарию, чтобы раздавать милостыню сиротам – детям погибших на войне, а злодеи ее ограбили и убили»¹². И если два этих фантастических утверждения имеют только внутрисербское хождение, то привычка присваивать Раевским графский титул оказалась «заразной». О «русском полковнике графе Н.Н. Раевском» написано на мемориальной табличке, появившейся на стене церкви Св. Троицы в Горнем Адроваце после реставрации, предпринятой в 2001 г. по инициативе российского МИДа.

Указывая, что Раевские «никогда не носили никаких титулов»¹³, Шемякин объяснил появление этой ошибки главной особенностью восприятия сербами легенды о Раевском – Вронском. А именно, тем, что «реальный участник событий и литературный персонаж – полковник Раевский и граф Вронский – сплелись в сознании сербов в единый образ... Версия о тождестве исторического и литературного героев в Сербии столь прочна, что прототипа также возвели в “сиятельство”»¹⁴.

Судьба Вронского искажила представления о жизни Раевского. Так, о причинах приезда последнего в Сербию в 1876 г. «часто в российской и сербской публицистике говорится, что он покинул Россию из-за любовной драмы, дабы покончить собой элегантно манером – пасть в бою»¹⁵. На это Шемякин ответил: «Мы, сколько ни искали, не сумели обнаружить ни единого следа этой так называемой драмы. Да и не могли его найти, потому что Раевский был человеком совершенно иной закалки». Объясняя, какой именно, автор процитировал Русский биографический словарь: «Он принадлежал к числу тех редких русских натур, которые всю жизнь неустанно ищут себе живого дела и, раз остановившись на чем-то, готовы вложить в него

11 А.Л. Шемякин, *Смерть графа Вронского*, 2-е изд, с. 26. (Салтановка находится неподалеку от Могилева, то есть примерно в 500-х км. от Бородино.)

12 А. Шемякин, *Између мита и чињеница*, с. 318. (На самом деле, она скончалась в 1883 г. в Петербурге и похоронена в своем имении в Воронежской губернии рядом с мужем – Н.Н. Раевским 2-м. Авторство версии принадлежит профессору белградской Великой школы Алимпие Васильевичу (1831–1911))

13 А.Л. Шемякин, *Смерть графа Вронского*. 2-е изд, с. 117.

14 Там же, с. 25, 117.

15 А. Шемякин, „Ново о пуковнику Рајевском“, с. 263.

всю свою душу». Речь, разумеется, идет о славянском деле: «Рано почувствовав интерес к судьбам славянских народов – интерес, зародившийся в нем еще в студенческие годы, в кружке и под влиянием И.С. Аксакова [...] Раевский, естественно, не мог остаться хладнокровным зрителем возникшего в 1875 г. славянского движения (т.е. восстания в Герцеговине [...] и начавшейся вскоре войны сербов с турками за освобождение»¹⁶.

Следует отметить, что в связи с мотивами участия в Сербо-турецкой войне Шемякину приходилось «реабилитировать» не только Раевского, но Вронского. Андрей Леонидович не соглашался с разделяемым многими литературоведами мнением, будто автор романа, отправляя своего героя в Сербию, хотел показать, что он ничтожен и нравственно мертв. Толстой якобы «наказывает» Вронского, заставляя бороться за «дело, бессодержательность которого разоблачена в романе устами Константина Левина». Писатель, действительно, изначально критически относился к самой войне и к русскому добровольческому движению. Однако Шемякину удалось, как нам кажется, показать, что отношение это эволюционировало от полного неприятия к сочувствию. Эта перемена прослеживается и в судьбе Вронского. Для него поездка в Сербию «не шаг отчаяния, не попытка заработать славу или скрыться от кредиторов. Для Вронского – это *дело*»¹⁷ («Жизнь моя мне не нужна, так отдать ее за дело»). «Он не только едет сам, но эскадрон ведет на свой счет», – другие персонажи романа подтверждают серьезность намерений Вронского. В этом он близок своему прототипу. В письме матери Раевский писал, что «собирается взять с собой достаточную сумму денег, дабы явиться в Сербию волонтером, ни в чем не нуждающимся, а не авантюристом, продающим свои услуги сербскому правительству»¹⁸.

Оценивая роль своего героя в добровольческом движении, Шемякин ссылался на офицера и публициста Н.В. Максимова, который разделял русских участников Сербо-турецкой войны на несколько категорий. Раевский, несомненно, относился к первой – «идеалисты, строго-сознательно явившиеся в Сербию, в силу святого увлечения идеей борьбы за свободу и независимость родственного народа»¹⁹.

16 А. Л. Шемякин, *Смерть графа Вронского*. 2-е изд, с. 55-56.

17 Там же, с. 50.

18 Цит. по: А.Л. Шемякин, *Смерть графа Вронского*. 2-е изд, с. 129.

19 А. Шемякин, „Генерал М.Г. Черняев и сербская война“, *Токлови историје*, 2006, 1-2, с. 27. (https://tokovi.istorije.rs/lat/uploaded/1%202%202006/2006_1-2_01_

Имелась и другая категория, которая «состояла из искателей приключений, из жаждущих славы, высшего положения, увлекавшихся повышениями, наградами». Место в ней заслужил другой известный доброволец, а именно, главнокомандующий сербской армией в войне 1876 г. Михаил Черняев, которому посвящены две статьи, вышедшие в журнале «Токови Историје» в 2006 и 2012 годах.

Помимо «мотивов участия [...] в Сербской войне (подлинных, а не стандартных уверений в желании лично помочь освобождению сербов от турок)»²⁰, интерес представляли профессиональные и человеческие качества генерала. Что касается полководческих особенностей, то они «объективно не способствовали решению „славянского вопроса“ вооруженным путем. Воспитанный в николаевское царствование [...] он исповедовал архаичную тактику [...] фронтальный удар в штыки и фланговый обход одним из подразделений [...] При этом опыта руководства крупными частями и боевых действий с регулярной армией он не имел. И вообще ему была присуща склонность к партизанщине и анархии [...] Кропотливая штабная работа [...] его не интересовала»²¹.

Как личность Черняев «препарируется» в сравнении с Раевским: «Даже самое приблизительное их сопоставление показывает, что перед нами – две отличные позиции, причем практически во всем: в восприятии ими славянской идеи, в мотивах пребывания в Сербии, в трактовке самого понятия “доброволец”. Что [...] позволяет более точно определить место каждого из них в иерархии добровольческого движения – не по звездам на погонах, разумеется»²². Объясняя разницу между полковником и генералом, Андрей Леонидович вспоминал известный девиз К. Станиславского: «Любите искусство в себе, а не себя в искусстве». Перефразируя эти слова, Шемякин сделал следующий вывод: «Если [...] Раевский и десятки других, погибших и выживших, добровольцев любили само „славянское дело“, то их предводитель – более всего любил себя в нем»²³. «Из-за своих личных качеств Черняев стал олицетворением многих неприглядных психологических и поведенческих черт русского добровольческого

Semjakin.pdf)

20 Там же, с. 8.

21 Там же, с. 14, 9.

22 А. Шемякин, *Генерал от коммерции*, с. 364.

23 Он же, *Генерал М.Г. Черняев и сербская война*, с. 22.

движения – продолжил Шемякин – на нем лежит немалая доля ответственности за поражение Сербии в войне с Турцией в 1876 г.»²⁴

Эти оценки представителей добровольческого движения не продукт «научной интуиции» или неких умозрительных построений. С точки зрения источниковой и фактологической фундированности авторскую аргументацию можно считать эталонной, в чем не составляет труда убедиться, так как большая часть цитируемых текстов доступна в сети. С одной стороны, перфекционизм в обосновании собственных выводов можно считать отличительной особенностью всех работ А.Л. Шемякина. Нам, признаться не приходилось встречать предметную и убедительную критику или опровержение каких-либо его тезисов. С другой, тот факт, что Раевский и Черняев так подходят для создания романтических образов русских «Тристана» и «Роланда», побуждал к особой тщательности. Тем более, что, как писал Андрей Леонидович, «есть еще апологеты генерала»...

Добровольческое движение как историческая тема присутствует не только в исследовательских работах Шемякина, но и в подготовленных им сборниках опубликованных и архивных материалов. Свидетельства русских участников Сербо-турецкой войны Г.А. де Воллана, Н.В. Максимова, А.Н. Хвостова, В.В. Ящерова, С.П. Коломнаина включены в 1-й том издания «Русские о Сербии и сербах»²⁵. Во 2-м томе опубликованы дневник и переписка профессора П.А. Кулаковского, в которых отражено пребывание в Сербии в 1879–1881 гг. М.Г. Черняева, а также близкого к нему добровольца и авантюриста Н.В. Зюсмана²⁶.

«Эхо былых сражений: русские памятники в долине Моравы», – так озаглавлен раздел 3-го тома российско-сербского серийного издания «Москва–Сербия, Белград–Россия»²⁷, который Шемякин подготовил вместе с сербскими коллегами А. Тимофеевым, Г. Милорадовичем, М. Перишичем. Документы освещают установку в Алексинаце памятника погибшим добровольцам. Особый интерес

24 Он же, *Генерал от коммерции*, с. 361.

25 *Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары*, Санкт Петербург, 2006. (https://inslav.ru/images/stories/pdf/2006_Russkie_o_Serbii.pdf).

26 *Русские о Сербии и сербах. Том II (архивные свидетельства)*, Москва, 2014. (https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2014_russkie_o_serbie_i_serbah_2.pdf); О Зюсмани см.: *Шемякин А.Л. Никола Пашич в Болгарии (1883–1885) // Studia Balcanica. К юбилею Р.П. Гришиной*. М., 2010, с. 102–107

27 *Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и культурные связи. 1878–1917 гг.*, Москва–Белград, 2012.

представляют воспоминания офицера сербской артиллерии Косты Шамановича о бое 20 августа 1876 г. у села Горни Адровац и гибели Н.Н. Раевского²⁸.

Опубликованные материалы автор использовал при обращении к более широкой исторической проблематике. Наблюдения о Сербии последней трети XIX – начала XX в., оставленные русскими добровольцами, дипломатами, журналистами, профессорами, будучи рассмотренными в совокупности, представляют «репрезентативный комплекс». Он дает возможность оценить «менталитет сербского традиционного общества – его универсальные характеристики и эволюцию в результате воздействия европейских идей и институтов». Этой теме посвящены семь коллективных трудов, озаглавленных «Человек на Балканах», подготовленных Шемякиным в качестве ответственного редактора и члена авторского коллектива²⁹.

К каким выводам можно прийти на основании этих наблюдений? Например, об ограниченной способности сербского общества воспринимать достижения европейской цивилизации свидетельствуют воспоминания добровольца и военного хирурга С.П. Коломина: «Мы встретились с народом, не привыкшим лечиться и поэтому не придававшим лечению большого значения [...] До войны в каждом из 17-ти округов княжества существовала небольшая больница, но жители неохотно обращались туда за помощью, так что эти больницы пользовались скорее официальным, чем действительным значением»³⁰. О социальной однородности сербского народа и па-

28 Там же, с. 300.

29 *Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века*, Санкт-Петербург, 2002, с. 418; *Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.)*, Санкт-Петербург, 2004, 192 с.; *Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.)*, Санкт-Петербург, 2006, 358 с.; *Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.)*, Санкт-Петербург, 2007, 376 с.; *Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX века): Сб. ст.*, отв. ред. Р. П. Гришина, Санкт-Петербург, 2009, 336 с.; *Человек на Балканах глазами русских*, Санкт-Петербург, 2011, 344 с.; *Модернизация vs. война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913)*, Москва, 2012, 436 с.; *Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг.*, Москва, 2016, 408 с.

30 С. Коломин, «Общий медицинский очерк Сербско-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время Турецкой войны 1877 г.», *Русские о Сербии и сербах. Т. I*, с. 251.

триархальности его нравов позволяет судить «демократичный» характер общения сербских офицеров и солдат, отмеченный русскими. Вышеупомянутый Н. Максимов описал как мобилизованный крестьянин при встрече целовался и разговаривал на «ты» со своим земляком – военным министром Тихомилем Николичем³¹. Разговор добровольца-мемуариста с сербскими солдатами служит иллюстрацией идеализированных представлений сербов о далекой России: «Сербы заинтересуются, начнут расспрашивать подробно о житье-бытье русского крестьянина. Начнешь им, бывало, рассказывать [...] – Знаете, что братики? [...] у нас есть такие крестьяне, что всего раза четыре в год мясо пробуют [...]

– Не истина! – крикнет, бывало, серб, шибко крикнет, даже рассердится.

Так ничем и не уверишь серба в горькой правде вашего рассказа»³².

В заключение оговоримся, вышеприведенные примеры участия А.Л. Шемякина в полемике по тому или иному вопросу не значат, что он нарочно искал повода «скрестить шпаги» с кем-нибудь. Они – свидетельство того, что приближение к исторической истине неизбежно ведет к столкновению с небрежностью и дилетантизмом. Противостоять им Шемякина побуждало его *credo* как исследователя, которым он руководствовался в изучении добровольческого движения и прочей тематики: «Мы всегда относились с большим уважением к чужому мнению, если оно основывается на фактах и аргументах. Без них авторские рассуждения могут легко превратиться в некое постмодернистское видение, для которого интерпретации и трактовки гораздо важнее фактов. Такой подход допускается в художественной литературе, однако история, все-таки, – другое дело. Будучи точной наукой, она не терпит (вернее, не должна терпеть) мифов [...] Подлинная наука это не амбиции отдельных авторов, а стремление к более полной и объективной информации о прошлом и людях из этого прошлого. Так, по крайней мере, нам кажется»³³.

31 А.Л. Шемякин, „Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия в последней трети XIX – начале XX в. глазами русских“, *Русские о Сербии и сербах. Т. 1*, с. 633.

32 Н.В. Максимов, „Две войны 1876–1878 гг.: Воспоминания и рассказы из событий последних войн : В 2 ч.“, *Русские о Сербии и сербах. Т. 1*, с. 193.

33 А. Шемякин, *Између мита и чињеница*, с. 319.

ДР А. А. СИЛКИН

виши научни сарадник

Институт за словенске студије РАН

alexander.silkin.as@gmail.com

А. Л. ШЕМЈАКИН О РУССКОМ ДОБРОВОЉАЧКОМ ПОКРЕТУ 1876. ГОДИНЕ

Кључне речи: Андреј Шемјакин, српско-турски рат 1876, руски добровољци, Лав Толстој, гроф Алексеј Вронски, Ана Карењина, Николај Рајевски, Михаил Черњајев, историјски митови

Резиме: Професионалним историчарима А. Л. Шемјакин је познат пре свега као истраживач српског радикализма, државно-политичког и друштвено-културног развоја Србије и Балкана у периоду од последње четвртине XIX до почетка XX века, руско-српских односа тог времена, улоге Србије у Првом светском рату, односа Срба са другим југословенским народима и процеса настанка Југославије. Међутим, широком кругу читалаца Шемјакин је познат као аутор књиге у којој се доказује да је Лаву Толстоју као прототип за лик грофа Алексеја Вронског у роману *Ана Карењина* послужио пуковник Николај Николајевич Рајевски Трећи (унук јунака битке код Бородина) који је погинуо у Србији у бици са Турцима 20. августа 1876. године. Око легенде о „Рајевском-Вронском“ накупило се мноштво погрешних представа и митова. Њихово разоткривање је један од главних мотива који су подстакли Шемјакина да почне да пише, и то не само у вези са наведеном темом. Проучавање добровољачког покрета било је значајно за решавање ширих питања. Запажања о Србији у периоду од последње трећине XIX до почетка XX века која су изнели руски добровољци, дипломате, новинари, професори, размотрена свеукупно, омогућавају нам да проценимо менталитет српског друштва – његове универзалне карактеристике и еволуцију као резултат утицаја европских идеја и институција.